

A person in a dark jacket and pants, carrying a backpack, is walking away from the viewer down a path in a forest. The path is illuminated by a bright, low sun, creating a strong silhouette effect. The sky is a mix of orange and yellow, and the trees are dark against the light. The overall mood is contemplative and atmospheric.

Дмитрий Комаров

резонанс

Дмитрий Комаров

резонанс

<https://litres.ru/74094748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сибирь, 1908 год. Взрыв, потрясший тайгу, пробуждает в людях необычные способности: обострённое восприятие, телепатию, влияние на материю. Эти события — лишь начало. Аномалия циклична. Спустя годы она вернётся — в другом месте, в другой эпохе, меняя новые люди обретут силы, о которых раньше знали только из легенд.

Тайны природы, власть, выбор и цена дара — в эпической истории, где прошлое предопределяет будущее.

Дмитрий Комаров

резонанс

Глава 1

Пролог.

Глава 1

1908 год, 30 июня. Сибирская тайга. Район реки Катанги.

Утренний туман стелился между вековых стволов, будто седые пряди, запутавшиеся в ветвях исполинов. Воздух был кристально чист и свеж, нес в себе аромат хвои и влажной земли – запах самой жизни. Вдалеке ухал филин, а где-то совсем рядом застрекотала белка и, распушив хвост, промелькнула по стволу кедра, словно яркая искра в полумраке леса.

На светлеющей поляне, в густой тени деревьев стояли двое. Старый охотник Игнат возвышался, широко расставив ноги, суровый и неподвижный, как старый валун. Рядом, склонившись к земле, замер подросток.

— Это след лося, - уверенно прозвучал над поляной голос Миши. - Идёт на водопой. Шаг широкий, значит не топчется.

- Верно. – кивнул дед Игнат, и лучики морщинок собрались вокруг его выцветших глаз. - А что ещё скажешь?

Молодой охотник снова присел, вглядываясь в землю, потом скользнул взглядом по стволам.

- Был тут и соболь – вон, на опушке отметины на стволе. И заяц пробежал – вот его тропа.

- Хорошо, Миша, - снова одобрительно кивнул дед. - Глаз зоркий, ум пыливый. Но помни: тайга учит не только видеть, но и чувствовать. Слушай её дыхание, лови запахи, чуй движение жизни.

Подросток кивнул, вдохнул полной грудью и, закрыв глаза, постарался уловить то, о чем говорил дед – ритм тайги, её пульс. Он слышал далекий крик птицы, шорох листьев, дыхание ветра в кронах. Все было на своих местах, все было правильно.

- Сегодня ты показал, что готов идти дальше. - Игнат положил тяжелую руку на плечо внука. - Пойдём за дальний гай. Покажу следы Хозяина.

В тот же миг небо взорвалось ослепительным светом. Не просто вспыхнуло, а раскололось от горизонта до зенита, и утренний туман, мгновенно став молочно-белым, поглотил тени.

Земля под ногами содрогнулась, как живое существо в судороге. Сквозь замерший лес прокатился нарастающий треск и грохот, похожий на то, как ломаются гигантские кости.

Дед Игнат рванулся к внуку, схватил его в охапку и повалил на землю, прикрывая собой. Над головами с треском

пронеслись обломки деревьев. Налетевший вал ветра сдирал ветви сосен и гнул вековые стволы, как сухую траву.

Тени дрогнули и разбежались, а над лесом начало расти грибовидное облако – тяжелое, свинцово-черное, с багровым ореолом по краям. Воздух вокруг него плавился и искривлялся, будто над огромным костром. В нос ударил резкий, металлический запах озона, от которого запершило в горле.

Ураган стих так же внезапно, как и начался, но остался странный гул – то нарастающий, то стихающий, отдающийся вибрацией в костях и зубах. Дед с внуком недоверчиво посмотрели друг на друга.

Зрение будто потеряло фокус, а звуки, наоборот, стали резкими и чужими. Запахи – густыми, почти осязаемыми. Воздух вибрировал и лес вокруг был виден, будто сквозь плену падающей воды.

-Деда, что это? – прокричал Миша сквозь звон в ушах и тут же вскрикнул от неожиданности. – Деда... Мне кажется, я вижу... волны. Они идут оттуда, из облака и проходят сквозь нас!

Подросток схватил Игната за руку, в панике вглядываясь в пространство перед собой.

-Они мигают. Синие... красные... как радуга, но не красивая, острая, режущая глаза.

Старик обнял внука, сам едва удерживаясь на ногах. Он не видел никаких волн, но чувствовал, как земля под ногами

еще вздрагивает, а воздух стал тяжелым и плотным, словно перед грозой. Сердце забилося неровно, с перебоями, будто заяц, бьющийся в силке. Игнат на мгновение зажмурился, стараясь унять эту дрожь, но почувствовал сильное давление, заставлявшее сердце гнаться за чужим ему ритмом.

-Держись, Миша. – хрипло произнес старый охотник, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Слушай Тайгу. Что она тебе говорит сейчас?

Подросток снова закрыл глаза, пытаясь унять дрожь и выровнять дыхание. Сквозь хаос новых, пугающих ощущений проявился слабый, но знакомый пульс – ритм. Который он столько раз ловил в лесу.

— Вот там барсук в норе суетится. – ткнул Миша в кучу валежника. – Вот там, далеко, лось убегает...

Он распахнул глаза и посмотрел на деда. Лицо его было бледным, глаза – огромными.

-Что с тобой? – прошептал он. – От тебя тоже идут круги по воде, только они сбиваются, как под дождем и идут из твоей груди!

Миша рванулся вперед и прижал ладонь к груди деда. Прямо поверх грубой ткани рубахи, словно хотел удержать этот ломаный ритм. Игнат на мгновение замер, чувствуя, как дрожат пальцы внука. Вместе с этой дрожью уходит и та тяжесть, что сдавливала виски. Сердце, только что спотыкавшееся на каждом ударе, вдруг пропустило лишний стук и пошло ровнее. Давление спадало, а дыхание больше не сры-

валось на короткие, рваные вдохи.

-То, что случилось, изменило не только тайгу. – медленно произнес старик. Голос звучал все еще хрипло, но в нем появились ранее незнакомые стальные нотки. – Оно коснулось и тебя. Запомни это чувство. Оно станет частью тебя, как шрам. Никому не говори, что ты видишь волны. Никому. Иначе придут люди, которые захотят этот шрам вырезать, чтобы посмотреть, как он устроен. А теперь – домой. Людям наверняка нужна помощь.

Игнат на секунду накрыл руку внука своей и задержал ее на миг. В прикосновении не было слов – только благодарность. Отставной егеря Его Императорского Величества гвардейского полка разжал пальцы и шагнул вперед, уже тверже ставя ногу на землю.

Глава 2

1908 год, 30 июня. Сибирская тайга. Район реки Ангары.

Туман над Ангарой начал редеть, обнажая острые верхушки елей и серые валуны, покрытые мхом. Первые лучи солнца прожгли кроны, но в глубине тайги еще царствовал мрак и сырость.

Из чащи показалось движение. Четыре человека и две лошади с поклажей, медленно брели вдоль берега. Всё, что осталось от цинского каравана с опиумом.

Степан присел на камне и зачерпнул ледяной воды. Она обожгла ладони, смывая усталость, но не смогла смыть то

липкое чувство, которое не оставляло его уже вторые сутки: ощущение, что земля под ногами вот-вот разверзнется. Ему было всего двадцать четыре, а казалось, что он прожил три чужих жизни. Воровство в семнадцать, плетей столько, что шрамы на спине и лице до сих пор саднили при смене погоды. Потом – грабеж, случайное убийство, каторжная дорога и побег. И вот он здесь, проводник у цинских контрабандистов, человек без дома и без имени.

Он взглянул на небо – день обещал быть жарким, а значит смятая трава будет четко указывать на их след.

- К полудню будет зной, - хрипло произнес он. – Пограничники не отстанут. Они знают эти места не хуже меня.

Ли Вэнь, цинский торговец, с трудом перевел дыхание. Его взгляд то и дело метался назад, в стену елей.

-Давай пройдем по берегу. Вода скроет следы, а течение унесет запахи – предложил он.

Двое других подельников завели лошадей на мелководе. Животные, загнанные и мокрые от пота, нервно переступали на месте, кося глазами.

Позади, за стеной елей, раздался сухой треск ветки. Степан вскинул руку, подавая знак. В воздухе повисло звенящее молчание. Погоня была ближе, чем казалось.

Степан тихо, но жестко сказал:

-Идем сколько сможем. По берегу. У первого же притока оставишь в засаде своих нукеров.

Торговец напрягся, его пальцы судорожно сжали рукоять

пистолета. — Это мои люди! Каждый из них стоит десятка, таких как ты! Лучше ты останешься задерживать погоню!

-Тогда мы все покойники! – рявкнул Степан. В этом крике прорвалась не только усталость, но и старая обида на весь мир. Почему ему всегда приходится выбирать между плохим и худшим. – Ты сам видел, что было на переправе! Если не задержать погоню, с нами будет то же самое! Не хочешь оставлять своих людей, тогда оставь груз – жизнь и свобода стоят этого. Решай сейчас!

Ли Вэнь, словно окаменел, разрываясь между долгом и инстинктом самосохранения. Если он потеряет весь груз, то пуля от пограничника покажется ему самым легким завершением жизни. Один из подельников был сыном, а второй глазами уважаемых людей. Потеря хоть кого-то из них была неприемлема. А вот если подранить этого каторжника – не убивать, а только обездвигить, то погоня определенно отстанет, давая спасительную фору беглецам.

Секунда тишины казалась Степану вечностью. В этот миг торговец резко вскинул руку с пистолетом

Грохнул выстрел. Пуля с визгом ударилась о камень и ушла рикошетом в реку. Степан не думал – тело сработало раньше разума. Он завалился на бок, перекатился и, помогая второй рукой, высадил весь барабан «Нагана» в сторону Ли Вэня и бросившихся к нему подельников. Частые выстрелы эхом разнеслись над рекой. Лошади в панике рванули в разные стороны. Одна оступилась на скользких камнях, мельк-

нула копытами и скрылась под водой.

Из чащи вновь раздался треск, уже совсем близко. Кто-то явно спешил к месту перестрелки. И в тот же миг небо разорвалось ослепительным светом, затмевая даже солнце. Окружающий туман вспыхнул, став молочно-белым, и поглотил тени.

Степан и преследователь замерли одновременно, пораженные зрелищем.

Казак почувствовал, как под ногами нарастает вибрация – глухие, тяжелые толчки, будто сама земля стонет. Сквозь застывший лес прокатился нарастающий треск и грохот. Вершины вековых елей ломались, как спички, с хрустом падая на землю.

Над головой пронеслись обломанные ветви и рухнули в реку, подняв фонтаны брызг. Налетевший вал урагана разметал туман, швырнув в лица людей мелкий мусор и хвою.

Степан инстинктивно пригнулся, прикрывая голову руками. Его преследователь – Алексей, молодой парень в грязной гимнастёрке с винтовкой Мосина в руках, напротив, застыл вполоборота. Ему было восемнадцать. Это был его первый патруль, и он до сих пор не мог себе простить, что сделал всего один выстрел поверх голов, не вступив в рукопашную схватку, как остальные. Его отец, служащий из Новосибирска, столько сил вложил в его поступление в кадетскую школу, столько раз объяснял, что путь военного – это путь чести, а он, Алексей, в свой первый настоящий бой смог только

стоять и смотреть, как другие рискуют жизнью.

Сейчас же в его широко открытых глазах читалось не столько изумление, сколько внезапное понимание: мир только что изменился, и он каким-то образом это почувствовал.

Над лесным массивом вздымалось грибовидное облако, тяжелое и зловещее. Вокруг него воздух искажался и будто плавился. Резкий запах озона, будто после грозы, перебил все остальные ароматы.

Ураган стих внезапно, оставив после себя звенящую тишину и странный гул, который звучал не в ушах, а где-то в груди, заставляя сердце биться в ином ритме.

Проводник контрабандистов и молодой пограничник посмотрели друг на друга, через разделявшие их поваленные ветки. Между ними было всего несколько шагов и целая пропасть опыта.

Степан вдруг ощутил, как его чувства обострились до предела – то самое знакомое до боли состояние. Так он чувствовал себя, когда бежал с каторги: мир стал резким, запахи – густыми, а каждый шорох отдавался в висках. Это было чутье загнанного зверя, не раз спасавшее ему жизнь.

Он видел раскрасневшееся лицо парня, сжатые губы, слышал учащенное дыхание. Чувствовал нарастающую частоту сердцебиения, готового к драке человека. И вместе с этим – внезапный, ледяной укол чужой эмоции: не ненависти или злости, а настолько острого стыда, что от него хотелось сжаться.

Так же отчетливо он понимал, что патронов в нагана не осталось, а направленный на него ствол винтовки не оставлял шансов на рывок. Если в глазах парня нет решимости, значит есть шанс выжить.

Алексей в свою очередь рассматривал лицо с налившимся багровым старым рубцом. Он ощутил такую отчаянную надежду на жизнь в ударившихся о него эмоциях, что палец замер на спусковом крючке.

В голове парня друг раздался чужой голос, хриплый, сорванный: «я жить хочу! Бежать! Не успею! Он замер?!»

Пограничник отвел ствол в сторону, не отводя от казака взгляда.

-Беги. – выдохнул Алексей. - Живи.

Степан рванулся к чаще. Лишь у самой кромки деревьев изумленно обернулся.

В голове так и не отводившего взгляд Алексея снова раздался голос: «Ты меня слышал?»

На это молодой человек только кивнул. Казак окончательно затерялся в тайге, а пограничник остался стоять посреди разрушенного берега среди тел. Он все еще чувствовал на языке привкус озона и чувствовал в груди чужой, удаляющийся стук сердца.

В отчетах пограничного отряда за третье июля будет сухо указано: «Рядовой Воронов А., проявив исключительную инициативу, в течение двух суток преследовал отступившего с места боя противника. В результате скоротечного боя

были уничтожены три бандита и захвачены более сорока килограмм опиума, а также ценные документы (опись имущества прилагается). Вместе с тем, при возвращении в расположение части рядовой демонстрировал признаки душевного истощения и не проявленных ранее способностей (справка прилагается). По рекомендации фельдшера Кляйне М. рядовой направлен в Санкт-Петербургский военный госпиталь.

Глава 3

1917 год, Петроград. Кабинет в здании Смольного.

Поздним вечером в одном из кабинетов революционного дворца состоялась встреча. Тусклый свет керосиновой, стоявшей на столе, выхватывал прожжённую скатерть, карту города с пометками, стопку документов и стакан остывшего чая.

Хозяин кабинета, в поношенном пиджаке, с прищуром посмотрел на подтянутого, с аристократической бледностью, человека. Голицын аккуратно разложил на столе предмет торга – измятые папки с завязками.

-Товарищ Каменев, я сумел достать то, что вас заинтересует.

Развязав одну из папок, аристократ достал фотокарточку. Рядом положил список фамилий, одна из которых была подчеркнута. Следом легла карта от Пскова до Владивостока с отметками и цифрами.

Каменев нахмурился:

-Снова Тунгуска? Вы всерьез полагаете, что я стану тратить свое время на это?

-Взрыв 1908 года был виден не только в Петерб...-Голицын запнулся. – не только в Петрограде. Свечение неба, перебои в телеграфной связи. Все это проявление сильнейшего природного феномена! Именно в это время наша служба получила новый толчок работы - появляются свидетельства и рапорты о необычных свойствах людей и животных.

Хозяин кабинета скептически поджал губы:

-Вы меня не убедили.

-Одним из людей с ранее не проявленными способностями является преступник. Его не раз задерживали за драки и за контрабанду. Вам он известен под псевдонимом «сибирский комиссар».

Каменев едва заметно напрягся, но взгляд стал заинтересованным:

-Продолжайте.

-Он убедителен. Очень. Я бы даже сказал, феноменально убедителен. Особенно когда дело касается экспроприации. – усмехнулся тонкими губами Голицын. – В революционном деле этот комиссар убеждает так, что его речи люди помнят дословно спустя годы.

-Вы снова пытаетесь выставить революционное дело, как сатанинский вертеп. Мистика, князь? – Революционер потянулся к следующей папке.

-Мне известно, что поддерживающие вас суффражист-

ки являются активными участницами мистерий. – Вернул шпильку Голицын.

- Не более, чем поиск новых впечатлений. Наиграются и будут лишь вспоминать. – Хмыкнул Каменев. - Вернемся к нашему разговору?

- Тогда предлагаю прийти к общему мнению, что мы говорим о новом ресурсе? – Выгнул бровь князь. - Эти люди, магия, мистика, одержимость или что там еще религиозные фанатики придумывают. По моим сведениям, почти вся дворянская поросль двух столиц так или иначе связана с противостоянием догматам церкви. Наблюдения и сбор информации ведутся давно. Однако систематические работы с необычными явлениями и людьми начали вестись лейб-медиком Петра Робертом Карловичем Арескиным. Колонизация восточных провинций дала огромное количество свидетельств и находок. Оставалось лишь систематизировать эти материалы. Прекрасной ширмой явилась кунсткамера.

Каменев с лицом, потерявшим невозмутимость, слушал откровения идеологического врага.

Князь тем временем продолжал:

- Революция, это следствие победы Габсбургов и захвата их представителями ключевых экономических производств. Последовавший после переворота силовой передел собственности вызвал реакцию мещан, которые поддержали вашу партию идеалистов. Именно в декларируемых вами лозунгах я вижу будущее Империи.

Каменев стиснул зубы. – Вы ошибаетесь. Нас поддержали низшие слои – крестьяне, которых вы обманывали и рабочие, которых вы убивали. Мещане лишь пыль под ногами Революции. Эти самые мещане чаще всего выступают против нас.

Голицын поднял руки в умиротворяющем жесте.

– Прошу меня простить. Для меня больно видеть обрушение старых порядков. Однако я понимаю, что будущего в привычном мне мире больше не будет. Именно этим вызвано мое желание встречи с вами.

В этот момент из темного угла кабинета раздался механический звон. Напольные часы слегка подрагивали, отбивая время и разбрасывая блики стеклянной дверцы.

Каменев достал портсигар и, постучав папиросой, прикурил. После паузы, князь проговорил:

– Мне нужен мандат. Мне и моим близким. Подписанный членами ЦК.

Сизый и горький дым папиросы закружился в свете керосиновой лампы, когда хозяин кабинета шумно выдохнул:

– Хорошо князь. Вы получите желаемое. Однако должны будете организовать передачу дел под мое начало. И еще. – Он давящим взглядом уперся в бывшего главу Москвы. – Наш разговор, это дань уважения вашим заслугам. Все-таки первая городская дума Первопрестольной и первые демонстрации рабочих – ваша заслуга.

На эти слова князь скривился, будто съел кислый лимон.

Тем временем Каменев, после затяжки, усмехнулся:

-Именно поэтому я иду вам навстречу. Но, если это попытка спасти свою шкуру, то вы об этом пожалеете.

Крутнув желваками Голицын поднялся:

-Я действительно беспокоюсь о своих близких! Однако за каждое сказанное мной слово я готов ответить по всей строгости революционного закона.

Каменев также поднялся и молча протянул ему ладонь.

Глава 4

1932 год, Мюнхен. Принцрегентенштрассе. Особняк фон Штайнеров.

Некогда символ баварской аристократичности, теперь здание несло на себе печать новой эпохи. Строгий фасад, тяжелые карнизы, высокие окна. У ворот, рядом с фамильным гербом из потемневшей бронзы, висела белая табличка: «встреча делегаций НСДАП и БВП». Над парадной лестницей перекрывая часть лепнины висел красно-бело-черный флаг.

Всюду в районе видны были патрули местной полиции. У ворот и вдоль окон здания прохаживались группы крепких молодых людей в коричневых рубашках и белых гетрах.

В анфиладе залов, к которым вели мраморные ступени, толпились люди. Среди госслужащих в строгих костюмах, мелькали одетые в традиционные баварские костюмы девушки. Коричневые рубашки контрастировали с накрах-

маленными воротниками. Словно морской прибор шумели разговоры.

Сегодня на встрече двух политических гигантов вершилось будущее Баварии, а возможно, и Германии.

Официальная часть встречи лидеров национал-социалистической демократической аграрной партии и баварской народной партии проходила в зале приемов фон Штайнеров. Просторном помещении, с высокими окнами и потолком, украшенном лепниной. Вдоль стен тянулись дубовые панели, на которых висели портреты баварских аристократов. В центре зала стоял длинный стол, покрытый зеленым сукном. По обе стороны сидели договаривающиеся стороны. Их переговоры о подписании совместного меморандума были напряженными, ведь каждая сторона понимала будущее объединение по-своему.

Но по-настоящему судьбоносная встреча разворачивалась не здесь.

В малом совещательном зале, куда не достигал гул основного мероприятия собрались по-настоящему влиятельные люди.

Высокие окна были задрапированы тяжелыми портьерами. Массивную входную дверь охраняли солдаты. В ярко освещенном лампами помещении стоял круглый стол, покрытый багровым сукном. За столом сидели четыре человека. В дальнем углу стоял небольшой столик, за которым стучал по клавишам «континентал стандарт» худой юноша в ро-

ГОВЫХ ОЧКАХ.

Седая голова с глубокими залысинами и черными тонкими усиками качнулась, привлекая внимание и раздался голос легата Святого Престола Лорензо Бьянчи:

-Уважаемые господа, наша встреча посвящена все более распространяющейся чуме нашего века. Я говорю об одержимости идеями всеобщего равенства. Источником одержимых является Советский Союз. Святой Престол веками противостоял проявлениям сатанинской силы – в какой бы форме они не являлись. Нам известно, что схизматики со времен их провозглашения Империей, ведут наблюдение за проявлениями нечистой силы. Однако в отличие от Святого Престола, - он выделил интонацией последние слова, - русские не уничтожают носителей дьявольской силы, а пытаются с ними договориться. Надо отдать им должное, новая идеология привлекает в их ряды даже одержимых из других стран. Агитация – это та же чума. Только вместо лихорадки она несет в себе ярость. Если русские пытаются с ней договориться, то мы обязаны их остановить.

Барон фон Штайнер, одетый в вечерний костюм, с почтением взглянул на собеседника:

-Ваше преосвященство, я не могу согласиться. Угроза реальна, но она в пропаганде, в деньгах, в связях агентов. Согласен, коммунистическая идеология подрывает саму основу нашего миропорядка. Наша цивилизация держится на разумной организации труда, на заслуженном превосходстве

тех, кто умеет управлять. Это мы строим заводы, развиваем технологии, двигаем прогресс, а они зовут к разрушению иерархии. Эти лозунги буквально подрыв могущества всей западной цивилизации

Фриц Эрих фон Левински сидел чуть в стороне от главного стола – не из скромности, а как человек, привыкший занимать позицию, откуда видно все поле. Его мундир подполковника рейхсвера был безупречен, но без парадности. Он слушал спор финансиста и представителя Ватикана с непроницаемым лицом. Наконец Эрих сказал:

-Если мы говорим о противодействии агитаторам, - его четко поставленный голос заставил всех прислушаться, - то армия может оказаться слаба. Вспомните Версальский мир. Если допустить, что советы используют сверхъестественные силы, то с нашей стороны должен быть способ защиты разума людей от воздействия лозунгов. Человек это будет, механизм или ангел небесный.

Под щелчок рычага пишущей машинки легат повернулся к офицеру:

-Вы смотрите на угрозу, как на политическую доктрину. –взгляд Лорензо из-под набрякших век тяжело остановился на хозяине кабинета. – Но она древнее. Свидетельства очевидцев, однозначно говорят о людях, чье присутствие меняет настроение толпы.

Барон чуть приподнял бровь, а Фриц остался невозмутим. -Чума, опустошившая Европу, тоже воспринималась, как

болезнь. Мы победили ее огнем, мечом и порядком. Вспомните римские легионы – образец технологии и дисциплины своего времени. Именно они ломали сопротивление варваров своими гладиусами. Пока не столкнулись с силой, которая измерялась не числом пилумов, а связью с землей, с предками, с чем-то неосязаемым.

Очередной звонкий щелчок машинки вывел всех из задумчивости. Подполковник переглянулся с бароном, а доктор наполнил и выпил стакан воды из графина.

Представитель Ватикана хмуро взглянул на доктора Райнера неопрятного толстяка с зализанными через лысину остатками шевелюры:

-Мы не видим сейчас носителей этой проклятой силы, не знаем, как ее измерить определить. Именно поэтому мы пригласили вас, доктор. Вы, как видный специалист в области социальной психологии и механизмов внушения, определенно можете нам помочь. Святой престол желает получить поддержку в противостоянии с этой сатанинской силой, принявшей обличие всеобщего блага. Мы видим в этом угрозу христианским ценностям и традиционному укладу.

Доктор Райнер будто ожидая этого момента, резко выпрямился. Его пальцы нервно стиснули края листа.

-Благодарю за оказанное доверие! – Резко и жаром сказал он. – Я разработал теорию о феномене индукции эффекта внушения. Это не магия. Это механизм, известный еще Либону: в толпе эмоция подобно пожару в сухой траве. Один

человек – это искра. Действия же агитатора, которые я обязательно изучу – триггеры, которые запускают механизм реакции толпы.

Он с трудом разгладил смятый лист и передал барону. Тот нехотя его принял двумя пальцами. - Что это?

— Это достоверный список действий одного из одержимых. По нашим сведениям – в Шанхае красный агитатор на профсоюзном собрании вышел на трибуну и просто посмотрел на всех участников. После этого по городу прокатилась волна погромов ростовщиков и банков. В результате более двухсот человек убиты. В Сан-Франциско этот же агитатор подобным образом сорвал работу на верфях и доках. В результате пришлось вводить национальную гвардию. Именно поэтому нам необходимо точно знать механизмы работы этих агитаторов и ставить на их пути барьеры.

Барон промокнул лоб кружевным платком.

-Вы хотите сказать, что под красные знамена встает нечисть со всей планеты? Может быть, вы ошибаетесь?

Доктор смутился, а Лоренцо упер немигающий взгляд в фон Штайнера.

-Я надеюсь, что вы, как богобоязненный человек сделаете пожертвование Святому Престолу и более не будете сомневаться в его непогрешимости?

-Прошу прощения. ваше преосвященство. – привстал и поклонился финансист, а Лоренцо Бьянчи продолжил.

— Это только один человек, а ущерб от его деятельности

оценивается равносильно пехотному батальону с усилением. Подобных сведений у нас достаточно, чтобы вызвать озабоченность Святого Престола.

-Мы не можем стрелять в каждого, кого подозреваем, - произнес Фриц, словно выступая на плацу, - вы должны дать нам цель.

Райнер наконец чуть расслабился.

-Мы можем это сделать. Пример есть! В Англии три года назад, в театре «Лирик» одна нота из трубы заставила людей бежать от беспричинного ужаса. Их физиология просто сломалась. Люди потом массово жаловались на тошноту и головокружение.

В комнате повисла тишина. Даже пишущая машинка в углу замолкла.

Фон Штайнер вновь побледнел.

-Вы хотите сказать, что эти агитаторы – такая же труба с похожей нотой?

-Хуже, - развел плечи в стороны доктор. –Труба издает звук, а этот человек... Он заставляет толпу звучать самой.

Райнер вдруг замолчал, потрясенно прислушиваясь к себе. Его пальцы сами скользнули к запястью и нащупали пульс.

-Но звук – это частота, - пробормотал он так, что все услышали. – Мы измеряем ее в Герцах. Колебания в секунду.

Он выхватил переданный ранее барону листок и начал что-то на нем чертить карандашом.

-шестьдесят ударов в минуту... Ровно один герц. Один такт на всех как в метрономе. А затем появляется новый, более сильный такт, и метроном меняет частоту своих колебаний!

Подполковник чуть склонил голову, оценивая мысль.

-Насколько я знаю, сейчас в войсках начали применять радиостанции, которые передают сигнал в радиоэфире, используя волны различных частот. Вы об этом говорите?

- Верно, верно! – Глаза Райнера загорелись безудержным интересом. - Если это волна, то ее можно заглушить. Создать генератор спокойного ритма. Он собьет резонанс. Толпа перестанет воспринимать агитатора. В теории...

В глазах легата мелькнуло мрачное удовлетворение.

-Вы получите всю необходимую поддержку от матери-церкви для борьбы с этой порчей! А с одержимыми, ее распространяющими, будет бороться армия.

Фон Левински кивнул.

-Дайте нам оружие, укажите цель, и рейхсвер сокрушит любого врага.

-В первую очередь надо защитить выдающихся людей великого рейха, потому что идеи равноправия уже оказывают сильное влияние на ведение дел. – фон Штайнер грузно сменил позу в кресле. – Доктор, вы отвечаете за разработку. Подполковник, вы обеспечиваете логистику и силовое прикрытие. Мы с его преосвященством проследим, чтобы у вас были все необходимые ресурсы.

Из угла снова донеслись щелчки клавиш.

Глава 5

1945 год, март, восточнее Штарграда.

Земля здесь была перепаханная гусеницами, прошитая осколками, пропитанная гарью и кровью. Прорыв шел трети сутки, и каждый метр давался не приказом, не героизмом даже, а каким-то звериным упрямством, когда человек перестает быть собой, а становится частью общего движения вперед.

Рядовой сводного пехотного полка Лев, тащил на себе ящик с пулеметными лентами, когда увидел его. Не сразу понял, кто это. Просто заметил фигуру, которая двигалась иначе, чем остальные.

Вокруг метались люди: кто-то кричал, кто-то полз, кто-то падал и уже не поднимался. Ритм боя был рваным, судорожным. А этот человек – с капитанскими звездами, - передвигался сквозь хаос, не ускоряясь не замедляясь. Он не озирался на свист, но знал, где упадет следующая мина. Он не надрывался в крике, отдавая команды, но его слушались и к нему тянулись бойцы. Будто к спасательному кругу во время шторма.

Боец замер на мгновение, и вдруг ощутил невидимую волну, ударившую в грудь. Спустя секунду над головой росчерком промелькнул трассирующий снаряд. Лев с трудом перевернулся и выполз из-под навалившегося снаряжения. Он с

опаской приподнялся, ожидая повторения очереди, однако до слуха донесся крик:

-Товарищ капитан! Слева в овраге пулемет!

Капитан даже не повернул головы. Он замер, будто прислушиваясь, но не к словам, а к чему-то, слышимому ему одному.

-Вперед. Через ложбину. Там сектор обстрела не дотягивает.

Бойцы, перебегая по воронкам тенями, двинулись к вспышкам недалекого дота. Побежал и Лев.

Он догнал капитана, когда грохот взрыва разворотил бетонную амбразуру. Еще один взрыв вышиб дверь. Сквозь пыль раздались частые выстрелы и силуэт капитана мелькнул в проеме. Лев, рванул за ним и чуть не сбил с ног замершего посреди помещения командира.

Тот остановился над испятнанным кровью офицером с двумя молниями в петлицах. Немец что-то прохрипел и встретившись взглядом с советским командиром, вдруг задрожал, а слова приобрели истерические нотки. Командир наклонился и сорвал с немца шлем, ловя его взгляд. В тот же миг лицо немецкого офицера дрогнуло и расслабилось, будто во сне. Рядовой почувствовал давление на виски, а вдоль спины пробежали мурашки.

Капитан выпрямился, и волна уверенности накрыла окружающих. Бойцы переглядывались, хоть и устало, но уже уверенно.

-Свяжите его, - сильный голос командира звучал спокойно, пока медбрат перевязывал пленника.

Лев снова ощутил давление в голове, на этот раз окружающие звуки потонули в шуме в ушах. Сквозь этот шум он скорее уловил, чем услышал: «Значит Аненербэ. Ты из них. Знаешь обо мне».

Немец начал вырываться из рук вязавших его бойцов. Визгливые крики перемежались знакомыми словами с пружек этих «электриков».

Рядовой стоял и смотрел на капитана, а в голове крутилась единственная мысль: «Я слышал твои мысли...»

Капитан бросил на Льва взгляд:

-Ты так долго стоять будешь? Или поможешь?

Боец кивнул и подхватил угол брезента, которым пеленали пленных. Помог бойцам спеленать немца.

-Товарищ командир. Разрешите обратиться, – не выдержал Лев, когда они отошли в сторону.

Капитан смотрел на него долго, будто принимая решение. Усмехнулся. – Разрешаю, и давай на ты. Алексей Воронов, капитан разведки.

-Рядовой Лев Гумилев. Рядовой приданного подразделения. – Уверенно представился боец. – Что это было, товарищ капитан?

-Ты про что?

-Про это... - Гумилев махнул рукой, пытаясь подобрать слова. – Про то, как я услышал вас, товарищ капитан.

Воронов мрачно усмехнулся.

— Тебе просто показалось, боец.

-Я смотрел на вас, и так же отчетливо слышал. Анербэ...

Не все понял!

-Анербэ. Еще раз говорю, - прищурился капитан. – Забудь. Это время такое. Война вытаскивает суть людей. Ты лишь почувствовал эмоции. Все люди так могут. Только повседневные дела притупляют чувства. А здесь из людей вылезает сила, что и так в них была. А еще страх. Злость. Желание жить. А я... - Он на секунду запнулся, будто подбирая слова, которые не привык произносить вслух. – Просто умею чувствовать. Как ветер чувствуешь. Знаешь откуда он дует и куда повалит деревья.

-Но это же антинаучно! – воскликнул возбужденный Лев.

-Война – она вообще неестественная, - ответил Воронов, заменяя обойму пистолета. – Но она настоящая. И сила – настоящая. Не магия, не чудо. Просто свойство, у меня как у магнита. Он тянет железо, потому что такой. Вот и некоторые люди тянут других. Не потому, что умные, или злые. А потому, что внутри есть перекося. Эта искра.

Он замолчал, глядя на восток, где небо уже начинало светлеть.

-Знаешь, - вдруг сказал капитан, не глядя на Гумилева. – Когда мне было восемнадцать. Я поступил на службу в пограничные войска. Направили меня в глухомань сибирскую.

Первый патруль – и на тебе – контрабандный караван накрыли. Первый бой. Погоня. А потом небо расколосось надвое. После этого я стал другим. Не лучше, не хуже. Просто способным чувствовать то, чего другие не замечают. И вот что я тебе скажу, Лев. Сила эта не принадлежит человеку. Она всюду, как воздух, вода. Проходит сквозь нас не задевая. Но если заденет. Прилипнет, впитается. То внутри человека загорается искра. А если искр этих много, то и народ, наверное, смогут зажечь.

Лев слушал, и слова Воронова падали в его сознание будто камни в тихий пруд, расходясь кругами. Он вдруг понял, что все, что он видел сегодня – не просто бой, удача, храбрость. Это все было проявлением Силы. Невидимая, но реальная сила. Она поднимала людей из окопов, заставляла бежать сквозь пули, побеждать, даже тогда, когда никакой победы быть не могло.

Рассвет сменился мелким дождем, напитывавшем переполненную горячей сталью землю. Воронов достал блокнот немца, мельком глянул на свою фотокарточку в нем, хмыкнул и сунул его обратно. Потом посмотрел на Гумилева так, будто увидел в нем не просто бойца, а кого-то, кто способен понять.

-Найди меня после войны, - сказал он тихо. – И запомни, что сила эта в людях не вечна. Она горит в них ярко, но быстро и сжигает.

Он развернулся и снова повел бойцов в бой. Солдата от-

правил в тыл, конвоировать пленных.

Рядовой сводного полка Лев Гумилев смотрел ему вслед, а в груди рождалось чувство причастности к чему-то великому.

Часть 1.

Глава 1.

2013 год. Челябинск.

Город ещё не знал, что ударная волна от метеорита — это только верхушка айсберга. Настоящий удар шёл глубже, туда, где у каждого человека живёт свой собственный ритм: биение сердца, ток крови, тихий гул уставших нервов.

На улицах падали люди. Кто-то оседал на асфальт, будто из него вынули кости, и через минуту вставал, потирая виски, не понимая, что случилось. Кто-то, наоборот, вцеплялся в фонарный столб и кричал, что «земля дышит». Машины замирали на перекрёстках, потом дёргались вперёд, врезаясь друг в друга. Водители не теряли сознание — они просто на миг переставали видеть.

Но самое странное было не в том, что люди падали. А в том, как они поднимались.

Волна не была равномерно. Она скользила по людям, как статическое электричество, и по-разному с ними договаривалась.

Молодые принимали её легко — потому что им было нечему сопротивляться. У них не было накопленной усталости.

сти, не было старых шрамов, которые могли бы треснуть от напряжения. Их нервная система не гасила этот импульс, как вода гасит брошенный камешек. Вместо этого волна проникла внутрь и оседала там, меняя настройки.

Вот парень лет двадцати, который только что рухнул у витрины, теперь стоял, слегка покачиваясь, и смотрел на мир так, будто впервые его увидел. Цвета стали ярче. Он услышал, как в соседнем доме капает вода из крана, и этот звук был таким громким, что хотелось зажать уши. Он не понимал, что с ним, но чувствовал вибрацию этого мира. Это был тихий, но настойчивый гул внутри, к которому придётся привыкать всю оставшуюся жизнь.

А вот те, у кого в теле накопились свои шрамы и устоявшиеся ритмы жизни, пытались сопротивляться этой вибрации всей своей историей. И для некоторых это было слишком. Их внутренние настройки были жёсткими, выстроенными годами, и волна била прямо по этим точкам напряжения.

Пожилой мужчина у подъезда рухнул без звука. Его сердце остановилось ровно на девять минут и двадцать три секунды. А потом — вдох. Самостоятельно. Без дефибриллятора. Он просто открыл глаза, посмотрел на медиков с лёгким удивлением и тихо спросил: «Где я?» Но в этом взгляде уже не было того человека, который выходил вынести мусор. Он вернулся, но часть его — та, что держала ритм, — осталась где-то там, за гранью этих девяти минут.

В здании УВД было душно, пахло пылью, старым деревом и дешёвым табаком. Следователь Николай Первухин, сидел за столом, и казалось, что он держится на одном упрямстве. Лицо серое, под глазами тяжёлые мешки, а пальцы чуть подрагивали, когда он потянулся за очередной кружкой кофе. Он не мог позволить себе уснуть. Не сейчас.

С момента вспышки прошло уже больше часа, но город не успокаивался. Нервная суета, только нарастала. Гудки машин, рев сирен гражданской обороны и спецсигналов. Первухин чувствовал это даже здесь, за толстыми стенами: в висках пульсировало, а в груди было такое ощущение, будто он стоит на краю обрыва и пытается удержать равновесие.

Он отдал службе двадцать три из своих сорока трех лет. Успел повоевать в чеченскую кампанию, обрести и потерять семью. Однако такого истощения еще не испытывал и пока не понимал, что это не просто усталость.

Невидимая ударная волна прошла сквозь него, как сквозь старый, изношенный фильтр. Его моральные принципы, его внутренний стержень — вместо того чтобы сопротивляться, вступили с волной в странный, болезненный резонанс. Будто старая, ржавая деталь прошла через наковальню и стала прочнее. Чище. И от этой чистоты ему было не по себе.

В голове вновь мелькали образы прошлых дел, он видел детали, которые раньше проскальзывали мимо: нестыковки в отчётах, паузы в голосах, дрожь в руках допрашиваемых.

Теперь эти мелочи складывались в узор, от которого становилось не по себе. Совесть снова проснулась и тяжело ворочалась в душе.

— Коля, ты как? — голос рядом был молодым. Это стажёр Витя, которого к нему приставили неделю назад. Он сидел на краешке стола то и дело проводя ладонью по лицу, и проверяя собственный ритм сердца. — У меня... как будто в ушах звенит. И пульс какой-то странный. Может нам надо к медику?

Первухин посмотрел на него. В глазах стажера читался настоящий, детский страх — не перед преступниками, а перед собственным телом. Он тоже видел вспышку в небе, а следом хлопок. Но молодость сгладила удар невидимой ударной волны. Для него это был просто сбой, который скоро пройдёт. Или он хотел в это верить.

— Сиди, — хрипло сказал Первухин. — У нашего медика сейчас и так с дел хватает. Если ты не падаешь в обморок — ты в строю. Лучше пройдишь по кабинетам, посмотри, может кому нужна помощь.

Когда стажер вышел, он снова уставился в монитор. Перед ним бежали строчки сводок. Он созвонился со знакомым из колл-центра службы спасения. На вопрос о поступающих вызовах спасателей после взрыва метеорита тот заговорил с напряжением, какого Первухин не слышал даже во время крупных аварий.

— Слушай, Коль, — зачастил голос в трубке, — у нас вал

звонков. Сильное разделение по возрасту. Молодые звонят и говорят: «У меня всё горит», «я всё слышу», «я заморозил воду в стакане». А пожилые... те, кто выжил, говорят одно и то же: «я чувствовал, как не дышал», «я был там, но парил над собой». Еще говорят, что видели разноцветную волну, был запах озона. Наши же фельдшера уже два случая воскрешения зафиксировали, представляешь? Почти десять минут сердце у одного не билось, его уже паковать начали, а он вдруг пакет разорвал, да руками махать начал.

После разговора следователь затребовал доступ к серверу и начал сортировать данные. Вытаскивать из общей ленты те вызовы, где пострадавшие приходили в себя сами. Сводил их в единую карту. И видел закономерность, от которой становилось холодно.

— Смотри сюда, — Первухин ткнул пальцем в экран, когда Витя вернулся. — Видишь этот радиус? Первые десять минут — эпицентр. Там в основном контузии, выбитые стёкла, смертельные исходы. А вот здесь, в промзоне — смотри на тэги: «Не дышал», «остановилось сердце», а через несколько минут звонки об отмене вызова. А здесь, возле школ и детсадов... — он провёл пальцем по экрану, — здесь уже другое. «Вижу слишком ярко», «слышу, как часы тикают в соседнем доме». Это не ударная волна, Витя.

Стажёр наклонился ближе, вглядываясь в карту. Профессиональный интерес победил неуверенность.

— То есть ты хочешь сказать, что волна как-то... воздей-

ствует на людей? По возрасту? По состоянию здоровья?

— Я хочу сказать, — Первухин откинулся на спинку стула, и тот жалобно скрипнул, — что это не ударная волна. Ударная волна — вот здесь, в эпицентре. А это что-то более мощное, но не разрушительное.

В этот момент из коридора донёлся резкий, звенящий крик, перекрывший даже вой сирен за окнами.

— Не трогайте! — голос был высоким, почти детским, но в нём была такая ярость, что казалось, будто стены дрогнули.

Первухин и Витя переглянулись.

— Это задержанный, — Проговорил быстро стажер. — Не успел доложить. Пацана только что патрульные привезли. Грабил бесчувственных стариков в сквере. Взяли с поличным. Патрульная машина врезалась в стену недалеко от него.

Они выскочили в коридор. У двери в допросную двое патрульных пытались удержать парня лет семнадцати. Он был тощим, с синяком под глазом, и сейчас его трясло. Когда один из патрульных заломил ему руку, парень закричал — и в этот момент воздух в коридоре будто сгустился.

У одного патрульного подкосились ноги, и он рухнул на колени, хватая ртом воздух. Второй побледнел, отпустил задержанного и схватился за грудь.

— Что ты делаешь?! — рявкнул Витя, бросаясь вперёд, но Первухин схватил его за рукав, оседая на пол.

Парень смотрел на них дикими глазами, не понимая. Он не делал ничего. Просто боялся и злился. Его тело, испуган-

ное и взвинченное, само выплеснуло ту самую волну, которую город уже чувствовал. Он попытался рвануть к вертушке на проходной. Оставшийся на ногах патрульный с силой дернул пацана за куртку и приложил лицом о стену, выбивая дух.

— Выведите его в одиночную, — приказал Первухин вставая. Голос звучал глухо, но твёрдо. — Никого к нему не пускать.

Патрульные, всё ещё приходя в себя, кивнули и увели парня.

Первухин закрыл глаза. В голове крутилась одна мысль: «Невероятно».

Стажер подпирал его плечом, тяжело дыша.

— Ты это тоже почувствовал? — тихо спросил он. — Как будто давление резко упало, а потом ударило обратно?

— Да, — коротко ответил Первухин. Он не стал говорить, что чувствует это после взрыва. Каждую секунду. Как будто его внутренние настройки сбились, и теперь мир звучит на полтона выше. — Записывай всё. Время, место, реакцию патрульных. И отдельно — реакцию задержанного.

— Зачем? — спросил Витя, усаживая Первухина на скамью в дежурке и доставая блокнот. — Это же не вписывается ни в один протокол.

— Именно поэтому, — Первухин, взял стаканчик с водой и сделал большой глоток. — Если мы не опишем это сейчас, пока помним, как это было на самом деле, завтра нам скажут,

что мы всё придумали. Или что это была паническая атака.

Телефон в кармане завибрировал. Первухин взял трубку.

— Первухин.

— Николай, это Данилов. Срочно принимай задачу. Готовь сводки по пострадавшим. Нужны детали: возраст, хронические заболевания, время потери сознания, наличие свидетелей. Особенно тех, кто пришёл в себя сам.

— Слушаюсь, товарищ подполковник. — ответил Первухин, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок. Он только делал первые предположения, но аналогичные выводы однозначно уже были кем-то сделаны и даже принято решение.

— Коля, нам не говорят напрямую, - продолжил начальник, - но я слышал, что в город уже вылетели люди из Москвы. Ходят слухи, что это не просто метеорит.

Первухин сжал трубку так, что побелели костяшки пальцев.

— Понял. Приступаю.

Он положил трубку и посмотрел на стажера.

— К нам едет ревизор, — мрачно ухмыльнулся следователь. — Пойдем, побеседуем с пацаном.

Глава 2.

2013 год. Челябинск.

На окраине города, в тихом дворе между панельными домами, семья Игнатовых грузила последние сумки в машину.

Егор нервно поглядывал на экран кнопочного телефона, который показывал время. Он знал: если сейчас замешкаться, дороги начнут перекрывать, и тогда выбраться из города будет уже не на чём. Машина — старенькая «сотка» — досталась ему в наследство от отца. Тот ушёл из НИИ в Новосибирске в восемьдесят девятом и в девяностые строил свой маленький, но крепкий бизнес, и эта машина была его опорой: тяжёлой, надёжной, способной проехать там, где другие буксовали. Егор не любил её за громоздкость и прожорливость.

Марина стояла, прижимая руки к животу. Лицо у неё было бледное, но решительное.

Идея уехать в Чебоксары принадлежала не ей. Её предложила бабушка — седая женщина с прямой спиной. В НИИ, где она проработала почти сорок лет, её осанка была такой же неизменной, как перечень допусков. Там она привыкла, что любая паника лечится расчётом, а любой хаос — планом.

— Отправляйтесь в Чебоксары, — сказала она ещё утром, до того, как небо вспыхнуло. — Там тихий роддом, хороший. И главное — там работает моя сестра.

Марина села на заднее сиденье, осторожно откинувшись на спинку. Егор скользнул за руль. Японский внедорожник чихнул, будто ворча на спешку, и ровно заурчал — старый, уверенный мотор, который отец когда-то перебирал своими руками.

Егор потянулся к панели, чтобы закрепить навигатор, и

зацепил пропуск-брелок, который он болтался на зеркале ещё с тех пор, как бабушка работала в НИИ. Навигатор пискнул — и тут же замолчал. На маленьком экране вспыхнула серая надпись: «Ошибка сети. Повторите». Егор встряхнул его, потёр о рукав, снова поднёс. Тот же результат.

Он хотел выругаться, но поймал спокойный взгляд бабушки в зеркале заднего вида. Она не удивилась. Совсем.

— Не трать время, — сказала она тихо, но твёрдо. — У нас мало времени. Скоро тут будет метеорит. После вспышки вся электроника будет сбоить.

Егор замер, пальцы так и остались висеть над панелью.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я занималась этим вопросом. Поспешите. — замолчала бабушка, глядя прямо вперёд, а затем, после паузы продолжила. — Мы называли это «резонансной сеткой». Она должна была защитить весь советский народ от действий искры. Задача сетки была в том, чтобы выравнивать фоновые помехи, а любые пики от источников искры, она должна была гасить. Однако в результате неверных стартовых настроек сама сеть стала источником шума. Именно это и стало причиной массовых появлений в конце восьмидесятых различных людей с паранормальными способностями. Такой шум никак не ощущается на физическом уровне. Только его последствия, зачастую спустя время. Я не стала будить вас. Надеюсь, что время ещё есть.

Она чуть наклонила голову, будто прислушиваясь не к

словам, а к чему-то, что подсказывало сердце.

— Сейчас будет не просто всплеск шума. Это будет перестройка. И если мы останемся здесь, когда она дойдёт до нас, то мы все окажемся в этой зоне. Я не хочу подвергать опасности тебя и ребёнка.

Егор опустил руку, отложил бесполезный навигатор.

— Тогда едем по памяти, — глухо сказал он, вставляя ключ в зажигание.

Машина аккуратно выехала со двора. За поворотом уже слышались сирены, а над городом висел странный, тяжёлый свет — будто небо ещё не решило, день сейчас или ночь.

Они миновали три перекрёстка. На четвёртом Егор притормозил, всматриваясь в пробку впереди.

— Надо было раньше выезжать, — пробормотал он, сжимая руль.

Бабушка не ответила. Она смотрела вперёд, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на вину. Не за то, что ошиблась в расчётах. А за то, что сознательно сдвинула этот момент. Потому что Марина спала так редко и так тяжело в последние недели, а Егор после ночной смены просто рухнул на диван, и бабушка тихо прикрыла за собой дверь, решив, что ещё полчаса ничего не решат.

— Держитесь, это волна десятого уровня, — вдруг резко сказала бабушка, доставая телефон и зажимая ряд кнопок. Телефон низко завибрировал, увеличивая частоту — Сейчас будет удар.

Не успела она договорить, как небо над ними взорвалось светом. Это был не обычный взрыв с дымом и пламенем — это был резкий, ослепительный импульс, будто кто-то выкрутил яркость мира на максимум. «Сотка» дёрнулась, мотор захлебнулся, фары мигнули и погасли. На секунду всё вокруг застыло в этой белой вспышке, а потом по кузову прошла дрожь — словно волна прокатилась по металлу, по стеклу. Звук из телефона наложился на вибрацию, идущую извне.

Внезапно из коробочки повалил дым, и затихающая вибрация коснулась пассажиров в салоне автомобиля. Марина тихо вскрикнула, прижимаясь к спинке сиденья. Егор вцепился в руль, чувствуя, как ладони потеют. Бабушка невидяще смотрела прямо на эту радугу света.

Вспышка отступила так же внезапно, как пришла, оставив после себя звенящую тишину и запах озона. Где-то впереди рухнуло дерево, перекрывая дорогу. С крыши пятиэтажки сорвалась и с грохотом упала металлическая панель.

Егор повернул ключ — мотор чихнул и снова ровно заурчал.

— Что это было? — хрипло спросил он. — Мы не успели? Бабушка, не отвечая, выбросила телефон и дрожащими руками закрыла лицо.

Он повернулся к Марине, и его голос вдруг стал встревоженным.

— Ничего, ничего. Держи спину ровно, дыши. Мы найдём

объезд. Все будет хорошо.

«Сотка», взревев, рванула вперёд.

Глава 3.

2013 год. Челябинск. Неделю спустя. УВД

В здании звенело тихое напряжение — такое плотное, что казалось, если щёлкнуть пальцами, воздух заискрит. Первухин сидел напротив задержанного, того самого парня, который неделю назад кричал на улице так, что патрульные повалились на асфальт, держась за виски.

Парня звали Артём. Ему было семнадцать. Раньше он был обычным подростком из спального района: тройки по физике, драка у подъезда, тайная влюблённость в старшеклассницу. А теперь в нём что-то сдвинулось.

Первухин положил на стол диктофон. Старый, кассетный, с поцарапанным корпусом и потёртой кнопкой. Он любил его за простоту: нажал — и крутится плёнка. Никаких экранов, никаких внезапных «нет сигнала», никакого цифрового молчания там, где должен быть шум помех. Только механика. Только факт.

— Расскажи ещё раз, — голос Первухина звучал нарочито сухо, по-деловому. — Что ты почувствовал, когда это началось? Не про свет. Про звук.

Артём сжал кулаки, костяшки побелели. Он смотрел не на Первухина, а куда-то сквозь него, в угол комнаты.

— Он был не снаружи, — прошептал парень, и голос его

дрожал не от страха, а от усилия удержать это внутри. — Он был... внутри ушей. Как будто мне в голову насыпали песка. А потом песок начал шуршать.

Витя, стоявший у стены, нервно поправил воротник. Он хотел записать что-то в блокнот, но ручка замерла над бумагой.

— Это как... шум в ушах? — уточнил Витя, стараясь звучать спокойно.

— Нет! — Артём резко дёрнулся, и наручники звякнули. — Это не мой шум! Это... чужой. Я слышал, как у бабки в квартире этажом ниже сердце стучит. Раз в секунду. Тук. Тук. Но это был не стук. Это как прилив. Очень злой и колючий. Я не мог его выкинуть из своей головы.

Первухин наклонился вперёд и с удивлением посмотрел, как только заряженный диктофон все медленнее жужжал, записывая слова.

— Ты говоришь, что слышал её сердце, — повторил Первухин, цепляясь взглядом за расширившиеся зрачки парня. — А что ещё? Что ты слышал, чего не должны слышать люди?

Артём вздрогнул. Его взгляд изменился - в нем проступило понимание того, что следователь тоже что-то знает.

— Я слышал, как плачет женщина в автобусе на другом конце города. Я слышал, как старик в парке знает, что сегодня он умрёт. Не боится, а просто знает об этом. Как знает о прибытии автобуса по расписанию.

Парень закрыл лицо руками. Плечи его затряслись.

— Сделайте так, чтобы это прекратилось, — выдохнул он.

— Я не хочу этого слышать. Пусть будет снова тихо.

Диктофон на очередном обороте издал щелчок и замер.

— Витя, выведи его, — сказал следователь, не глядя на стажёра. — Пусть посидит в камере, успокоится. И вызови фельдшера, пусть давление ему померит, или что он там обычно делает.

Когда дверь за ними закрылась, Первухин остался один. Он посмотрел на руки, чувствуя, как пульсирует вена на виске. И вдруг он понял: он тоже слышит. Не чужие сердца, или мысли, а направления развития событий. Словно вечерняя тень от человека, едва видимая и сливающаяся с окружающими сумерками.

Он открыл папку с делом ювелирного магазина. Снова посмотрел на фото парня, который говорил: «Там было слишком тихо». Теперь Первухин понял, что тот имел в виду. В магазине не было фонового шума. Не было привычного гула города, который мозг фильтрует.

В этот момент дверь распахнулась без стука. В проёме стояли трое. Двое в одинаковых тёмно-серых костюмах, с жёсткими, невыразительными лицами. А между ними — женщина лет тридцати или сорока, в лёгкой куртке поверх строгого костюма, с папкой в руках и с цепким, внимательным взглядом серых глаз. На бейджике у неё значилось: «Комиссия по чрезвычайным делам. Руководитель группы — Е. В. Соко-

лова». Стоявший слева поднял руку с прибором — чёрная коробка с мигающими диодами и пластиной антенны.

— Николай Сергеевич? — голос женщины был властным, как у человека, привыкшего к тому, что ему подчиняются. — Елена Викторовна Соколова. Мы работаем по линии штаба. Нам сообщили, что здесь ведётся допрос лица с подтверждённой гиперчувствительностью.

Первухин закрыл папку, положил руки на стол и сцепил пальцы. Плечи слегка напряглись, чтобы удержать привычную рабочую выправку.

— Ведётся, — сухо сказал он. — И сейчас он помещен в камеру. Ему оказывается медицинская помощь.

Один из мужчин в костюмах шагнул вперёд, напирая.

— Следовательно, вы в курсе, что все лица с проявлениями гиперчувствительности подлежат обязательной стабилизации? У нас есть распоряжение.

— Стабилизации? — Первухин наконец поднял голову. Его взгляд скользнул по прибору, потом по лицам. — Распоряжение? Покажите-ка мне ваше удостоверение, Елена Викторовна.

Соколова чуть прищурилась, будто впервые по-настоящему разглядела Первухина. Она спокойно положила удостоверение на край стола, чуть сдвинув в сторону старый диктофон, и кивнула своему сотруднику, давая понять — стой там, не дави.

— Распоряжение у нас есть, Николай Сергеевич.

Первухин чуть расслабил пальцы, всё ещё лежавшие на столе. Он не отводил взгляда, но в нём уже не было готовности к лобовому столкновению.

— Вижу, — сказал он, с удивлением рассматривая герб службы безопасности. — Тогда объясните мне, что значит «стабилизировать». Вы его тоже в клетку посадите? Или этим прибором по голове ударите, чтобы чужие голоса заглушить?

Соколова усмехнулась, сняла куртку, перекинула через спинку стула.

— Ни то, ни другое. У нас есть методика мягкого экранирования. Не изоляция, а... как шумоподавление в наушниках. Чтобы он мог дышать, а не захлёбываться фоновым шумом. Мы не звери, Николай. Просто у нас задача шире, чем один допрос. Если это резонанс, он идёт волной. Таких Артёмов будет не один, а десятки и, может быть, сотни.

Первухин помолчал.

— Десятки, — повторил он. — А пока он один. И сейчас ему плохо. Вы можете сейчас заглушить этот шум в его голове? Чтобы он спокойно мог ответить на мои вопросы. А потом я сам его к вам приведу. Но буду наблюдать, когда вы будете свои замеры делать.

Сотрудник в костюме снова шевельнулся, видимо хотел, что-то сказать, но Соколова опять остановила его лёгким движением кисти — и на этот раз даже не глядя на него.

— Час, — согласилась она. — Но не больше. У нас данные

с трёх районов: там люди жалуются, что слышат шаги в пустых квартирах. Один мужчина в диспетчерской сказал, что различает, как у соседа этажом выше капает вода — каплю за каплей, хотя между ними бетон. Это не шутки.

— Знаю, — кивнул Первухин. — Я сам сегодня почувствовал нечто похожее.

Соколова замерла на секунду, потом медленно подняла на него глаза. В них мелькнуло что-то.

— Вы это серьёзно?

— Серьёзно, — ответил Первухин без пафоса. — Не как экстрасенс.

Второй мужчина в костюме, до этого молча стоявший с прибором, вдруг тихо проговорил:

— У меня тут... ещё скачок.

Соколова посмотрела на Первухина, потом снова на подчиненного.

— Поставь сюда стаканчик, — сказала она требовательно.

Её подчинённый покопался за пазухой и, вынув что-то, похожее на камертон, аккуратно поставил его в угол.

Первухин с интересом смотрел за его действиями и, вопросительно изогнув бровь, перевёл взгляд на руководителя по чрезвычайным делам.

— Что это за штука? — Первухин чуть наклонил голову, не сводя взгляда с маленького предмета в углу. — На зубанку, или варган похоже.

— «Стакан», — коротко бросила Соколова, не обраща-

ваясь. — Это пассивный индикатор, являющийся элементом резонансной сети. Он не излучает, он только ловит. Если в точке есть устойчивый сдвиг фона, мембрана вибрирует. Сеть из таких датчиков даёт нам чёткую картину направления и места источника волн.

Первухин хмыкнул, но без насмешки — с профессиональным интересом.

— То есть вы полагаетесь на... звон?

— На физику, Николай Сергеевич, — спокойно поправила она.

— Мембрана настроена на узкий диапазон. Если проще, то благодаря специальному сплаву эта мембрана начинает колебаться. Дальше дело за техникой. Уловить и передать сигнал на преобразователь.

Второй коллега женщины добавил:

— В восьмидесятых такие штуки делали на заказ. В НИИ. Тогда электроника была слишком грубой, чтобы ловить тонкие флуктуации, и мембраны на самом деле ставили в хрустальные стаканы.

Соколова наконец повернулась к Первухину, и в её взгляде не было вызова.

— Мы не хотим навредить парню. Но если это волна от какого-то источника, она не остановится на одном Артёме. И если мы не обнаружим источник сейчас, потом придётся работать уже по площадям. А это значит — эвакуация, паника, отключение связи... Вы сами знаете, как это выглядит.

Первухин помолчал, скользя взглядом по комнате — по старому диктофону, по папке с делом, по этому странному датчику в углу, который пока молчал.

— Знаю, — наконец сказал он. — И потому не хочу, чтобы вы ломали пацана, пытаясь спасти город. Дайте час. Пусть медик скажет, можно ли вообще к нему сейчас с приборами подходить. А потом я сам с ним поговорю. И если он согласится — пусть ваши люди делают замеры. Но без давления.

Соколова кивнула, принимая рабочий вариант.

— Договорились, — сказала она. — Час. Но если в течение этого часа шумовой фон вырастет хотя бы на единицу — я должна буду вмешаться.

— Принято, — улыбнулся ответил Первухин. — Понять бы еще, что это за единица.

Она также чуть улыбнулась.

— Знаете, Николай Сергеевич... У вас тут всё по-старому. Папка, наручники, диктофон. А у нас — датчики и приборы, которые что-то показывают. И посреди этого — парень, который, возможно, является источником.

Первухин, чуть пожав плечами, возразил. — Просто мы делаем свою работу, а вы - свою.

В этот момент в углу что-то тихо звякнуло — едва уловимо, будто кто-то зацепил гитарную струну. Один из специалистов замер, всматриваясь в прибор на руке.

— Есть контакт, — Напряженно сказал он. — Слабый, но устойчивый.

Соколова резко выпрямилась, голос её стал жёстче:

— Фиксируй. Все параметры. И не включай активную фазу. Пока только запись.

Первухин тоже напрягся, из-за того, что понял: этот тихий звон означает, что Артём не один. Где-то источник излучает так, что даже металл в пустом углу начинает отзываться.

— Медик уже с ним? — спросил он, поворачиваясь к двери.

Витя, стоявший в проёме, кивнул, бледный, но собранный:

— Да. Осматривает. Говорит, давление скачет, но ничего критичного. Просто... перегруз.

— Хорошо, — выдохнул Первухин. — Пусть посидит с ним.

Он снова посмотрел на Соколову.

— Если есть сигнал, — она ответила встречным взглядом., — значит, шумовой прилив вновь начинается. Теперь мы сможем обнаружить источник.

Первухин вскинул брови.

— Источник, — повторил он, и это слово прозвучало не как догадка, а как приговор. — Вы уверены, что источник — это Артём?

Соколова не отвела взгляда. В нём не было торжества от того, что она права, только тяжесть ответственности.

— Не факт, что он сам по себе. Но он — точка максимального отклика. Как антенна. Либо он принимает, либо он из-

лучает. А «стакан» звенит именно здесь, рядом с ним. И не просто звенит — он держит тон. Это не случайный всплеск.

Первухин шагнул к столу, сгрёб папку, но тут же замер, будто сам себя одёрнул.

— Если он источник, — глухо сказал он, — то ваши замеры его добьют. Вы же будете гонять через него эти волны. А он и так на грани.

— Мы не будем ничего через него гонять, — отрезала Соколова. — Мы будем слушать. И искать, откуда приходит сигнал. Если это внешнее поле — мы найдём место контакта. Если это внутренний резонанс... тогда нам нужно понять, как его заглушить. Без вреда для окружающих.

Техник, склонившийся над прибором, вдруг поднял голову. Его пальцы бегали по кнопкам, лицо было напряжённым.

— Елена Викторовна... — голос у него дрогнул, но он тут же взял себя в руки. — Направление... оно не из камеры.

Он медленно повернул корпус прибора, вода антенной по комнате, как металлоискателем. Стрелка на маленьком экране дёрнулась, поползла вправо, потом застыла, указывая направление.

— Сюда, — специалист, указывал не на дверь, а на стену. — Направление... Источник вне здания!

Глава 4.

2013 год. Чебоксары. Республиканский роддом

В родильном отделении пахло антисептиками и тёплым

бельём. За окнами февраль сыпал на город мелкий колючий снег, а здесь, в палате, было тепло и светло. Скрипели тележки, где-то тихо плакал новорождённый, и этот обычный, живой шум был сейчас самым правильным звуком на свете.

Марина лежала, обессиленная, но счастливая.

Акушерка Лариса Петровна поправила одеяло, улыбнулась:

— Отдыхай. Пусть малыш поспит.

Мальчик лежал в кювезе. Глаза закрыты, кулачки чуть сжаты. Он казался таким маленьким, что хотелось накрыть его не одеялом, а всей своей жизнью.

Лариса Петровна уже собиралась тихо выйти, когда заметила:

— Ой... Смотри-ка.

Марина приподнялась на локтях и удивленно замерла, глядя, как младенец неестественно дёрнул руками. Будто вскинул винтовку, лоя в прицел невидимую цель. Пальчики на секунду застыли в странном напряжении. Потом он замер, затаив дыхание. На лице застыла абсолютная, взрослая сосредоточенность.

— Что это с ним? — прошептала Марина, холодея. — Ему больно?

Акушерка склонилась над кювезом, прислушалась к дыханию, потрогала прохладный лоб малыша.

— Да нет... — она нахмурилась, разглядывая эту странную собранность на детском личике. — Просто сон. Смотри,

как он неловко дергает ручками, сейчас запеленаю.

Марина смотрела на сына, и на секунду ей показалось, что в этом резком движении есть не младенческая неуклюжесть, а отработанная, жёсткая точность... Как будто на мгновение в эту палату заглянул кто-то другой.

Он лежал не в тёплом роддоме, а на чердаке, среди пыли и битого кирпича. Вокруг грохотало так, что подпрыгивали разбросанные осколки стекол. Горячий воздух поднимался от асфальта, тянул за собой запах гари и пыли. Под ним, внизу, мелькали фигуры — красноармейцы перебежали от укрытия к укрытию.

Сейчас он был просто Миша, без возраста, без прошлого, только с винтовкой. И привычно чувствовал эхо движения. Видел, как в окне напротив шевелится тень человека. Ощущал его липкий страх и ненависть к тем, кто внизу.

Рука сама легла на приклад. Винтовка была знакомой, родной, покрытая множеством маленьких насечек. На шее ощущалась тяжесть кожаного шнура с медвежьим когтем, которого он когда-то давно добыл с дедом.

Плавный выдох. Палец на спусковом крючке.

Выстрел.

И в тот самый миг, когда пуля настигла врага, реальность снова ворвалась в сознание малыша. Из грохота Берлина — в тишину палаты.

Он как-то обмяк, расслабил кулачки. Лицо разгладилось, стало снова детским, доверчивым. Он чуть приоткрыл глаза

на мгновение, и снова закрыл, доверчиво поджав губки.

Лариса Петровна накрыла младенца одеяльцем, чуть подоткнув края и поправив валик, на котором лежала его головка.

— Ну вот. Просто сон. Бывает такое. Иногда они так сильно сжимаются, будто хотят удержаться за этот мир. А потом отпускают и спят спокойно.

Ординатор, заглянувший в палату, чтобы проверить показатели, увидел обычную картину: уставшая мама, спящий младенец, дежурная акушерка.

Он подошёл к кювету, приложил сенсор к виску малыша. На экране планшета вспыхнула надпись: «Ошибка соединения», потом «Нет сигнала».

Он вздохнул, потёр нос.

— Опять эти датчики... — пробурчал он. — В Челябинске сейчас такой переполох, что все спецы туда уехали.

Пощёлкал кнопками, махнул рукой:

— Ладно. Запишу «без особенностей».

Когда он вышел, прикрыв за собой дверь, в палате снова стало тихо. Только тикало что-то в аппаратуре да за окном всё так же сыпал снег.

Марина смотрела на сына. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле. Она не знала, что ему приснилось. Не знала про Берлин, про винтовку с насечками. Но она почувствовала одно: ему было страшно там, в этом сне. И он справился.

— Ты у меня... — прошептала она, наклоняясь к самому

стеклу кювеза, — Мишка. Михаил. Сильный. Ты спокойный, ты всё умеешь. Даже во сне.

Лариса Петровна улыбнулась:

— Всё хорошо. Он просто учится быть здесь. Сначала ему приснился весь мир сразу — громкий, большой. А теперь он привыкает к нашему, маленькому. И это правильно.

За окном кружились снежинки. В коридоре кто-то тихо переговаривался. И в этой обычной, мирной суете никто не знал, что только что в этой палате на секунду пересеклись две эпохи: Берлин 1945 года и Чебоксары 2013-го. И что сознание мальчика, которому дали имя, уже однажды носил его и держал в руках винтовку.